

ЗАМЕТКИ ОБ ОТИПЛЕ К ЮБИЛЕЮ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

С.Г. Татевосов

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; tatevosov@gmail.com*

Аннотация: Юбилейные дни — время для критической рефлексии и осмысления опыта. У этой статьи две скромные цели. Во-первых, мы обозначим место дисциплины, известной сейчас как фундаментальная и прикладная лингвистика (ФиПЛ), в системе современных теоретических представлений о языке. Во-вторых, мы кратко охарактеризуем профильную кафедру и отделение филологического факультета с точки зрения исследований конкретно-языковых и межъязыковых явлений, а также развития идей об организации лингвистического образования.

Ключевые слова: теория языка; формальная лингвистика; функциональная лингвистика; отделение теоретической и прикладной лингвистики; филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-06-12

Для цитирования: Татевосов С.Г. Заметки об ОТИПЛе к юбилею Московского университета // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2024. № 6. С. 180–189.

NOTES ON OTIPL FOR THE ANNIVERSARY OF MOSCOW UNIVERSITY

S.G. Tatevosov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; tatevosov@gmail.com

Abstract: Anniversary days are a good time for critical reflection on the accumulated experience. This article has two modest goals. First, I will characterize the position of the discipline now known as fundamental and applied linguistics in the system of current ideas about the nature of human language. Second, I will briefly introduce the research profile of the Department of Theoretical and Applied Linguistics as well as its continuous effort and dedication to the development of linguistic education.

Keywords: theory of language; formal linguistics; functional linguistics; Department of Theoretical and Applied Linguistics; Faculty of Philology; Lomonosov Moscow State University; applied linguistics; fundamental linguistics

* * *

Эволюция науки часто, хотя и не всегда связана с определенными практическими задачами (философский камень, паровой двигатель, ядерное оружие...). Многие научные направления, изменившие и продолжающие менять наши представления о мироздании, в начале своего пути были нацелены на удовлетворение утилитарных, хотя иногда и весьма амбициозных потребностей человечества. Появление в Московском университете кафедры и отделения теоретической и прикладной лингвистики (ОТиПЛа) было в большой степени обусловлено именно такой потребностью: создать системы автоматической обработки естественного языка, «научить компьютеры говорить». 1950-е годы, десятилетие, предшествовавшее созданию отделения, были временем надежд на быстрое решение этой задачи, и казалось, что на этом пути есть лишь незначительные трудности. Одна из них состояла в том, что тогдашняя лингвистика не располагала инструментами для описания языковых фактов с той степенью эксплицитности, которая требовалась для создания вычислительных алгоритмов.

Так появилась идея соединить знания о языке с приемами построения строгих определений и рассуждений, обеспечиваемых математическими дисциплинами. Открывшийся в 1960 году ОТиПЛ выстраивался как союз лингвистики и математики, который должен был дать качественное приращение в работе с языковым материалом, необходимое для тогдашней научно-технической революции.

* * *

Новые способы описания и осмысления языковых данных, которые формировали интеллектуальную жизнь на новом отделении, воплотились в серию основополагающих публикаций тех лет (например, [Зализняк 1967; Апресян 1974; Мельчук 1974; Падучева 1975; Кибрик 1977]) и стали быстро распространяться и вширь, на неописанные и неизученные языки, и вглубь, на неосвоенные территории грамматики и семантики. 1960–1990-е годы были временем значительных научных успехов во всех областях теоретической лингвистики, которыми ОТиПЛ обязан В.А. Звегинцеву (1910–1988; заведовал кафедрой в 1961–1982), А.Е. Кибрику (1939–2021, заведовал кафедрой в 1992–2012), Б.Ю. Городецкому (1942–2019), А.А. Зализняку (1935–2017), Л.В. Златоустовой (1924–2011), С.В. Кодзасову (1938–2014), О.Ф. Кривновой (1943–2021), П.С. Кузнецову (1899–1968), А.И. Кузнецовой (1932–2015), Н.И. Лепской (1941–1998), С.А. Старостину

(1953–2005), В.А. Успенскому (1930–2018). Первые десятилетия работы отделения, его успехи и разочарования, уже стали достоянием истории, которая подробно описана А.Е. Кибриком и В.А. Успенским [Успенский 2013; Кибрик и др. 2022], и мы не будем входить в дальнейшие детали.

Важно другое. Начавшись как ответ на потребности народного хозяйства, новая лингвистическая дисциплина стала развиваться сообразно внутренней логике эмпирической науки. Новое качество описания позволяет увидеть новые явления, новые явления требуют объяснения, объяснение должно принять форму эксплицитных гипотез, удовлетворяющих критериям демаркации научного знания, гипотезы нуждаются в опоре на систему исходных допущений о природе языка и методологии его изучения. Пройдя этот путь за несколько лет, ФиПЛ обрела собственный теоретический профиль, выделяющий ее в ряду других направлений российского и мирового языкознания.

* * *

Самоопределение ФиПЛ как научной дисциплины началось и продолжается в контексте, заданном основополагающей проблемой, вокруг которой формировались в последние десятилетия разные школы лингвистической мысли и разные направления исследований языковых фактов — проблемой возможного естественного языка. Ограничено ли межъязыковое варьирование и если да, то какими факторами? Где проходит граница, отделяющая язык от неязыка, и почему она проходит там, где проходит?

С известным упрощением можно сказать, что существуют две конкурирующие системы взглядов на этот предмет. Одна из них («генеративная грамматика», «генеративизм»), которую обычно связывают с именем Ноама Хомского, развивались с конца 1950-х годов ([Chomsky 1959; Chomsky 1966] и последующие публикации). Она опирается в первую очередь на соображения, связанные с усвоением языка. Ключевой тезис Н. Хомского и его последователей состоит в том, что носитель языка знает о нем больше, чем можно получить из внешнего опыта. Появляясь на свет носителем никакого языка, человек в первые годы жизни бессознательно усваивает родной язык, систему, отличающуюся исключительной сложностью, многофакторностью и многоуровневостью, причем делает это с поразительной эффективностью, недоступной тем, кто сознательно и целенаправленно изучает второй язык. При этом внешние данные, на которые опирается процесс усвоения, не структурированы, фрагментарны и имеют малый объем. Более того, они не содержат отрицательной информации — информации, позволяющей разграни-

читать возможные и невозможные языковые выражения. Напрашивающийся вывод состоит в том, что когнитивная система нашего биологического вида оснащена некоторой встроенной информацией, направляющей процесс усвоения языка. Эта информация позволяет системе не рассматривать грамматические возможности, совместимые с внешними данными, но относящиеся к неязыку (см., например, [Friederici 2017]). Именно так объясняется эффективность усвоения. Усваивающему не надо разбираться, как не может быть устроен естественный язык, потому что он уже это знает.

Ненулевое состояние когнитивной системы с точки зрения знания о языке, часто называемое также языковым инстинктом, языковым органом, универсальной грамматикой и т. п., — эволюционное преимущество, которое одинаково у всех представителей биологического вида *Homo Sapiens*, независимо от того, в какой языковой среде они появляются на свет и носителями каких языков в конечном итоге становятся (см. обсуждение в [Berwick, Chomsky 2016]). Ограничения на возможный естественный язык определяются именно содержанием универсальной грамматики. А похожи языки не только и не столько тем, какие явления в них встречаются, сколько тем, какие не встречаются никогда (см., в частности, [Moro 2023]).

Есть и альтернатива, которую обычно называют функциональной лингвистикой, или функционализмом, и которая опирается на принципиально иную систему допущений. Специализированного «языкового органа» не существует, как не существует и «языкового инстинкта» (в частности, [Evans 2014]). Язык — один из компонентов общекогнитивной системы представления знаний и операций над ними, не имеющий специального статуса. Свойства языка связаны с его использованием по основному назначению — как самого эффективного, но при этом одного из многих средств коммуникации (см., например, [Tomasello 2019]). Ограничения на возможный естественный язык, если они эмпирически реальны, следует искать за его пределами — в организации концептуальной системы человека, в универсальных поведенческих потребностях участников коммуникации, в общности культурного и социального опыта (например, [Haspelmath 2020]). Эффективность усвоения языка в действительности не дает оснований говорить о его когнитивной автономности. С одной стороны, в первые годы жизни человек усваивает не менее сложные навыки — например, навык обработки визуальной информации или навык прямохождения, — и это также происходит с минимальной опорой на внешний стимул. С другой стороны, реальные языковые данные, с которыми сталкивается усваивающий, вовсе не

так недостаточны, как предполагают последователи Н. Хомского, а эффективное усвоение возможно и исключительно с опорой на положительную информацию, представленную во внешнем стимуле. Понимание характеристик языка должно опираться на информацию о более общих механизмах коммуникации, отвечающих за порождение и понимание языковых выражений.

* * *

Теоретическая дилемма, которая предельно схематично описана выше, на данный момент не разрешена, хотя горячие головы с обеих сторон всегда были склонны считать аргументы противника ничтожными. Тем не менее именно она формировала то направление исследований языка, в котором работает ОТиПЛ. Оно выделяется среди других лингвистических направлений в нескольких отношениях.

Во-первых, возможный язык как объект изучения делает лингвистику естественной наукой в большей степени, чем гуманитарной. Язык представляет собой эволюционную особенность нашего биологического вида, имеющую, как и все такие особенности, естественную природу. Это означает, что теория языка, как и более частные теории отдельных его модулей — фонетики, фонологии, морфологии, синтаксиса, дискурса, семантики, — должны строиться на тех же эпистемологических принципах, что и другие естественные науки, например молекулярная биология или коллоидная химия.

Во-вторых, лингвистика становится междисциплинарной. Для ответа на свои основополагающие вопросы и разрешения основополагающих противоречий она нуждается в информации, предоставляемой науками, которые изучают когнитивные системы живых организмов (психология, нейробиология и т. д.), системы представления и обработки информации (вычислительная математика, компьютерная наука), системы социальных взаимодействий (социология, антропология, социальная психология). Она нуждается, кроме того, в инструментарии, откалиброванном математическими дисциплинами, — от математической логики до математической статистики.

В-третьих, лингвистические исследования принципиально нуждаются в межъязыковой перспективе. Именно параметры межъязыкового варьирования, а главное, ограничения на него задают пределы возможного в человеческом языке. Эти ограничения невидимы, пока лингвист замнут в пределах индивидуальной языковой системы. Критически важную роль здесь играют «малые», «редкие», недоизученные и недопредставленные в социальном пространстве языка. Исследовать их надо не только ради сохранения

культурно-исторического наследия и языкового разнообразия, но и потому, что без материала таких языков не получится увидеть все пространство возможностей.

Как кажется, именно эти три характеристики составляют самую суть научной и образовательной работы в области фундаментальной и прикладной лингвистики.

* * *

Научная жизнь ОТиПЛа в текущем виде в общих чертах сложилась в те годы, когда кафедру и отделение возглавлял А.Е. Кибрик, выдающийся исследователь синтаксиса естественных языков, основоположник новой методологии полевой лингвистики, вдохновитель и идеолог российского функционализма. Она развивается вокруг направлений, охватывающих практически все отрасли современного языкознания. Ее характеризуют три отличительные особенности, о которых сказано выше, — взгляд на язык как естественное явление, междисциплинарность и межъязыковая направленность.

Теория языка занимает ключевое место в научной работе ОТиПЛа. Она включает исследования по теоретической фонологии и морфологии (М.Б. Ермолаева, В.А. Плунгян, С.Г. Татевосов, И.А. Хомченкова), синтаксису (О.И. Беляев, П.В. Гращенков, Е.А. Лютикова), семантике (И.М. Кобозева, П.О. Россяйкин, С.Г. Татевосов), дискурсу (А.А. Кибрик, Ю.Н. Николаева), психолингвистике (О.В. Федорова), типологии (О.И. Беляев, Т.С. Зевахина, Е.А. Лютикова, Ю.В. Сеницына, И.А. Хомченкова), истории лингвистических учений (В.М. Алпатов), социолингвистике (А.А. Кибрик, Ю.В. Сеницына), диахронической лингвистике (С.А. Бурлак, П.В. Гращенков).

В эти исследования вовлекаются данные огромного количества языков различной генетической и ареальной принадлежности — атабаскских (А.А. Кибрик), иранских (О.И. Беляев, В.А. Плунгян, Ю.В. Сеницына, И.А. Хомченкова), монгольских (П.О. Россяйкин, С.Г. Татевосов), нахско-дагестанских (О.И. Беляев, П.В. Гращенков, Е.А. Лютикова, С.Г. Татевосов), тюркских (П.В. Гращенков, М.Б. Ермолаева, П.О. Россяйкин, С.Г. Татевосов, О.В. Федорова), уральских (Ю.В. Сеницына, И.А. Хомченкова) и, конечно, русского (все сотрудники кафедры без исключения). Огромную роль в поддержании этого разнообразия играют полевые исследования языков народов СССР и России, начатые в 1967 году А.Е. Кибриком и успешно продолжаемые сейчас следующим поколением его учеников и последователей.

Междисциплинарное измерение научной деятельности ОТиПЛа в последние годы связано как с традиционным для отделения взаимодействием лингвистических и математических методов анализа

языковых данных, так и с развитием новых подходов, опирающихся на естественно-научную методологию. Первое представлено в первую очередь применением математической логики и опирающейся на нее формальной семантики для изучения языковых значений, а также использованием статистических методов анализа материала, которые дают возможность обнаружить обобщения и закономерности, не наблюдаемые на уровне единичных выражений. Второе связано с развитием на ОТиПЛе экспериментальных исследований языка, опирающихся на строгие процедуры, практикуемые представителями других естественных наук.

ОТиПЛ — одно из весьма немногочисленных отделений в мире, где плодотворно взаимодействуют лингвисты функционального и генеративного направлений. Среди сотрудников отделения существует консенсус, что конкуренция идей, мнений, приемов анализа языковых данных не вредит общему делу, но, напротив, создает среду, которая позволяет преодолевать теоретические стереотипы и дает проявиться лучшему в каждом из подходов.

* * *

Учебный план ОТиПЛа, последняя версия которого введена в действие в 2021 году, полностью отражает наши идеи о том, как должно быть устроено современное образование по фундаментальной и прикладной лингвистике.

Критически важный компонент этого образования — цикл дисциплин, образующих сумму знаний об основных модулях языка: фонетике и фонологии, морфологии, синтаксисе, дискурсе, семантике и прагматике. Успешное усвоение программы требует ознакомления со всеми имеющимися в современной лингвистике направлениями теоретизирования и приемами описания и объяснения языковых фактов. Когда-то эта часть учебного плана укладывалась в четыре семестровых курса по две пары в неделю. За последние десятилетия лингвистика выросла (и количественно и качественно) настолько, что в новом учебном плане одна только семантика и сопутствующие предметы изучаются в течение семи семестров.

Междисциплинарная ориентация учебного плана имеет несколько измерений. Во-первых, она предполагает изучение дисциплин, где языкознание соприкасается с когнитивной наукой, — усвоения языка, психолингвистики, нейролингвистики. Во-вторых, студент должен составить представление об эмпирической сложности и многообразии предмета — естественного языка. Этой цели служат дисциплины, описывающие языковое разнообразие, исторические аспекты существования языка, его функционирование в социальной среде. В-третьих, важнейшее значение приобретает освоение мето-

дологии лингвистики как эмпирической науки, которой необходимы выверенные процедуры работы с данными, принципы моделирования исследуемого объекта и экспериментальные приемы проверки теоретических гипотез.

Как и ОТиПЛ в целом, учебный план поддерживает разнообразие и не предполагает ориентации на ту или иную теоретическую систему в качестве единственно верной. Напротив, у студентов есть возможность ознакомиться с разными системами, оценить аргументы за и против каждой из них и добиться осознанного теоретического самоопределения.

Новые подходы появились и в самой традиционной для ОТиПЛа области — взаимодействии лингвистических и математических дисциплин. Первые опыты преподавания математики лингвистам опирались на идею, что существует некоторая универсальная сумма математических знаний, необходимая лингвистике в целом. Главной задачей было определить, из каких слагаемых складывается эта сумма, — отсюда и продолжавшаяся многие годы с небольшими перерывами дискуссия на тему «Какая математика нужна лингвистам». В последние годы стало ясно, что лингвистика слишком велика и разнообразна, чтобы такой вопрос мог иметь ответ: синтаксистам нужна одна математика, семантистам другая, а разработчикам систем машинного перевода — третья, четвертая и пятая. В новом учебном плане сделаны первые попытки пойти навстречу этим потребностям, обеспечив низкоуровневую интеграцию математических и языковедческих компонентов. Например, математическая логика сейчас объединяется в общий цикл с теоретико-модельной семантикой, а линейная алгебра — с компьютерной лингвистикой.

В учебном плане ОТиПЛа есть и очень значительный по объему компонент, соответствующий прилагательному «прикладная» в названии отделения. Он отвечает за то, с чего ОТиПЛ начинался в 1960-е годы, — подготовку специалистов для решения народно-хозяйственных задач. Запросы ранней научно-технической революции сейчас близки к осуществлению. Например, и распознавание речи, и машинный перевод уже стали действующими технологиями, доступными на любом смартфоне. Развитие больших языковых моделей и создание действующих систем искусственного интеллекта делает эту область востребованной и увлекательной, как никогда раньше. Это, однако, будет сюжетом для следующих заметок об ОТиПЛе.

* * *

ФиПЛ как научная дисциплина и ОТиПЛ как отделение, где ею занимаются, возникли в Московском университете и вместе с уни-

верситетом жили содержательной и яркой, хотя и не всегда безоблачной жизнью. В завершение этих заметок остается лишь выразить надежду, что лучшие страницы истории ОТиПЛа в университете еще не написаны.

Поступила в редакцию 10.08.2024

Принята к публикации 15.10.2024

Отредактирована 14.11.2024

Received 10.08.2024

Accepted 15.10.2024

Revised 14.11.2024

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. М., 1974
2. Зализняк А.А. Русское именное словоизменение. М., 1968.
3. Мельчук И.А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл \Leftrightarrow Текст». М., 1974.
4. Падучева Е.В. О семантике синтаксиса. М., 1974.
5. Кибрик А.Е., Кобозева И.М., Татевосов С.Г. Кафедра теоретической и прикладной лингвистики // Филологический факультет Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова: Очерки истории. 1941–2021. 4-е изд., испр. и доп. / Под общ. ред. проф. М.Л. Ремнёвой. М., 2022.
6. Успенский В.А. Серебряный век структурной, прикладной и математической лингвистики в СССР: как это начиналось (заметки очевидца) // Успенский В.А. Труды по нематематике. Книга третья. Языкознание. М., 2013. С. 293–471.
7. Berwick R., Chomsky N. *Why Only Us: Language and Evolution*. Cambridge, 2016.
8. Chomsky N. *Syntactic Structures*. The Hague, 1959.
9. Chomsky N. *Cartesian Linguistics*. New York, 1966.
10. Evans V. *The Language Myth: Why Language Is Not an Instinct*. Cambridge, 2014.
11. Friederici A. *Language in Our Brain. The Origins of a Uniquely Human Capacity*. Cambridge, 2017.
12. Haspelmath M. Human Linguisticality and the Building Blocks of Languages. *Frontiers in Psychology*. 2020, no. 10 (3056). P. 1–10.
13. Moro A. *Impossible Languages*. 2nd edition. Cambridge, 2023.
14. Tomasello M. *Becoming Human: A Theory of Ontogeny*. Cambridge, 2019.

REFERENCES

1. Апресян Ю. Д. *Leksicheskaja semantika* [Lexical semantics]. Moscow, 1974. (In Russ.)
2. Berwick R., Chomsky N. *Why Only Us: Language and Evolution*. Cambridge: MIT Press, 2016.
3. Chomsky N. *Syntactic Structures*. The Hague: Mouton, 1959.
4. Chomsky N. *Cartesian Linguistics*. New York: Harper & Row, 1966.
5. Evans V. *The Language Myth: Why Language Is Not an Instinct*. Cambridge: Cambridge University Press, 2014.
6. Friederici A. *Language in Our Brain. The Origins of a Uniquely Human Capacity*. Cambridge: The MIT Press, 2017.
7. Haspelmath M. Human Linguisticality and the Building Blocks of Languages. *Frontiers in Psychology*, 2020, no. 10 (3056), pp. 1–10.

8. Kibrik A.E., Kobozeva I.M., Tatevosov S.G. Kafedra teoreticheskoj i prikladnoj lingvistiki [Department of Theoretical and Applied Linguistics]. *Filologičeskij fakul'tet Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta imeni M.V. Lomonosova: Očerki istorii* [Faculty of Philology at Lomonosov Moscow State University: Historical Essays]. 1941–2021. Ed. M.L. Remnyova. Moscow, Izd-vo Moskovskogo universiteta, 2022. (In Russ.)
9. Mel'čuk I.A. *Opyt teorii lingvističeskikh modelej «Smysl ⇔ Tekst»* [Reflections on a Meaning-Text Theory of Linguistic Models]. Moscow, Nauka, 1974. (In Russ.)
10. Moro A. *Impossible Languages*. 2nd edition. Cambridge: MIT Press, 2023.
11. Padučeva E.V. *O semantike sintaksisa* [On semantics of syntax]. Moscow, Nauka, 1974. (In Russ.)
12. Tomasello M. *Becoming Human: A Theory of Ontogeny*. Cambridge: Cambridge University Press, 2019.
13. Uspenskij V.A. Serebryanij vek strukturnoj, prikladnoj i matematičeskoj lingvistiki v SSSR: kak eto nachinalos' (zametki očevidca) [Silver age of structural, applied and mathematical linguistics in the USSR: how it all began (an eyewitness notes)]. Uspenskij V.A. *Trudy po nematematike* [Essays on non-mathematics]. Kniga tretya. Yazykoznanie. Moscow, OGI, 2013, pp. 293–471. (In Russ.)
14. Zaliznjak A.A. *Russkoe imennoe slovoizmenenie* [Russian nominal inflection]. Moscow, Nauka, 1968 (In Russ.)

ОБ АВТОРЕ

Татево́сов Серге́й Гео́ргиевич — заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; tatevosov@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Sergei Tatevosov — Head of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; tatevosov@gmail.com